

CASE STUDIES

УДК 316.454

DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-4-140-155

СОЦИАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ЭМОЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: К ИТОГАМ 2024 Г.

Бараш Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник. Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5; ~
e-mail: raisabarash@gmail.com

Обращаясь к данным многолетних социологических исследований, реализованных Институтом социологии ФНИСЦ РАН, автор анализирует динамику эмоциональных установок российских граждан в период 2023-2024 гг. Обострение в 2022 г. постковидной тревожности российского общества сменилось в 2024 г. тенденциями, связанными с адаптацией к ситуации, а эмоциональная растерянность – попытками граждан вернуться к привычной обыденности. В 2024 г. обозначились признаки нормализации восприятия гражданами ситуации в стране, а оценки респондентами положения дел в регионе (особенно в месте их проживания) после резкого падения, произошедшего в 2022 г., преодолели в 2024 г. положительные показатели ковидного периода. Несмотря на в целом позитивные оценки россиянами актуального положения дел, в 2024 г. многие россияне фиксировали негативные доминанты в психоэмоциональных установках общества, указывая на то, что в настроении окружающих их людей преобладают негативные эмоции, прежде всего тревожность. В ситуации сложного психоэмоционального климата многие граждане России воспринимают текущие события философски, продолжая верить в личные и национальные перспективы.

Ключевые слова: массовое сознание, эмоции, оценка ситуации в стране, пандемия, СВО

Цитирование: Бараш Р.Э. Социальные настроения и эмоции российского общества: к итогам 2024 г. // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2024. Т. 7. № 4. С. 140-155. DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-4-140-155

Рукопись получена: 2 ноября 2024

Пересмотрена: 23 декабря 2024

Принята: 25 декабря 2024

SOCIAL MOODS AND EMOTIONS OF RUSSIAN SOCIETY: BY THE RESULTS OF 2024

Raisa E. Barash – PhD in Political Sciences, Leading Researcher. Institute of Sociology

Applying to the sociological data of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, the author analyzes the dynamics of the emotions and the attitudes

of Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences. 24/35 bld. 5 Krzhizhanovskogo St., Moscow 117218, Russian Federation;
e-mail: raisabarash@gmail.com

of the Russia's citizens during the 2023-2024-ies. The aggravation of the post-COVID anxiety of the Russia's society in 2022 was replaced in 2024 by tendencies of adaptation to the situation, and emotional "confusion" was replaced by the citizens' attempts to return to their usual routine. In 2024 the normalization of the citizens' perception the situation in the state was fixed, and the respondents' attitudes towards the situation in their region and place of residence overcame the positive indicators of the "COVID period" after a sharp drop in 2022. However, despite the generally positive assessments of the current state of affairs by Russians, in 2024 many citizens announce negative dominants in the psycho-emotional attitudes of society, indicating that negative emotions, primarily anxiety, prevail in the mood of the people around them. In the circumstances of a difficult psycho-emotional climate, many Russian citizens perceive current events philosophically, continuing to believe in personal and national prospects.

Keywords: mass consciousness, emotions, assessment of the situation in the country, pandemic, SMO

How to cite: Barash, R.E. (2024). Social moods and emotions of Russian society: by the results of 2024. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 7(4): 140-155. DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-4-140-155 (In Russian).

Received: 2 November 2024

Revised: 23 December 2024

Accepted: 25 December 2024

В 2023-2024 гг. российская повседневность и эмоциональные доминанты её восприятия гражданами находились под влиянием событий 2020-2022 гг. Начало в 2022 г. Специальной военной операции на Украине (СВО) и последовавшая мобилизация обострили тревожное постковидное эмоциональное состояние общества, вызванное резким изменением привычного образа жизни (Lam, 2021), снижением экономического благосостояния граждан, ростом чувства неопределённости (Бараш, 2022а) и тревоги (Российское общество..., 2022). За объявлением СВО последовало не только объединение общественного мнения «вокруг флага» (Мустакимов, 2023), но и стресс неопределённости (Рязанцев, Храмова, Смирнов, 2021), который особенно остро переживала молодёжь. Многими непредсказуемость национальных и личных перспектив воспринималась как возвращение к состоянию «выученной беспомощности» периода пандемии COVID-19 (Информационно-аналитический бюллетень, 2021). Под влиянием кризисной централизации общества в ощущениях многих людей ожили характерные для периода пандемии чувства незащищённости и страха перед бюрократическим контролем и принуждением (Ермаков и др., 2023). Сложив-

шаяся ситуация воспринималась многими россиянами (Микушева, Петрова, 2024) как вызванная геополитическом противостоянием России и Запада (Андреев, Андреев, Слободенюк, 2024) и поэтому непреодолимая в ближайшей перспективе, как более травматичная по сравнению с периодом пандемии COVID-19 (Социология пандемии, 2021, с. 68).

Однако к 2024 г. в российском общественном мнении обозначились тенденции адаптации к национальным потрясениям, и эмоциональная растерянность сменилась вектором социального саморегулирования, обусловленного попытками граждан вернуться к привычной обыденности. Приспособление общества к внешним вызовам происходит стохастически, в том числе через поиск гражданами менее травматичных форм эмоционального, чувственного восприятия актуальной ситуации. Это делает актуальным предложенный в настоящей статье метод социологической диагностики в отношении динамики эмоциональных паттернов массового сознания граждан.

Методология исследования

Эмпирическим основанием настоящей статьи являются социологические данные проекта «Российское общество середины 2020-х гг.: символы прошлого, ценности настоящего, ожидания от будущего». Он осуществляется в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (2023-2025 гг.). Социологический опрос проведён в феврале 2024 г. в 22 субъектах Российской Федерации по репрезентативной общероссийской районированной квотной выборке. Объём выборочной совокупности – 2000 респондентов, репрезентирующих взрослое (18 лет и старше) население страны по параметрам пола, возраста, социально-профессионального статуса, уровня образования и типа населённого пункта, являющегося местом проживания.

Теоретико-методологические основания исследования

Сложившаяся под влиянием целой совокупности негативных факторов к 2024 г. ситуация может быть квалифицирована как кризисная, а реакция общества на шоковые события, адаптация к ним – как посткризисная. Теоретико-методологической рамкой изучения адаптации общества к кардинальным изменениям являются работы ряда учёных, исследовавших реакцию социума на кардинальные изменения обстоятельств жизни.

Так, Э. Дюркгейм, исследуя, как общества адаптируются к кризисным явлениям, акцентировал внимание на опасности анонимии, ослаблении социальных связей и норм, а также деструктивным поведении индивидов (Дюркгейм, 1996). В качестве эффективной

стратегии посткризисной адаптации он рассматривал развитие органической солидарности, которая базируется на индивидуальной свободе и социальной ответственности.

З. Бауман в рамках своей концепции «текущей современности» отмечал, что современные общества вынуждены постоянно приспособляться к кризисным вызовам, «испытывая на прочность» актуальные социальные нормы и ценности (Bauman, 2005). Столкновение с внешними вызовами, которое всегда несёт угрозу децентрализации, может быть поводом для пересмотра оснований национальной идентичности, появления новых форм общественной солидарности.

Ю. Хабермас полагает ключевым элементом и «мотором» развития современных обществ «публичную сферу», как пространство социальной коммуникации. «Вызовы среды» воспринимаются публичной сферой как повод для диалога, общественного обсуждения актуальности действующих социальных норм, прежде всего касающихся границ индивидуальной свободы и оснований общественной солидарности (Хабермас, 2016).

Наконец, М. Кастельс исследует, как современные общества воспринимают кризисы в условиях повседневной жизни, организованной посредством новых информационных технологий. Обращая внимание на всеобщую индивидуализацию, М. Кастельс видит следствием резких изменений повседневности не только появление новых форм социального взаимодействия, но и рост протестных настроений (Кастельс, 2000).

Эмоциональные доминанты в настроениях российского общества

Настроения в обществе, а также эмоции и переживания людей постоянно меняются под влиянием обстоятельств и ежедневной рутины. Корректная оценка чувств и эмоций, присущих людям в определённый исторический период, возможна только в динамике и сравнении с более ранними общественными настроениями. Для того чтобы понять, как изменились массовые умонастроения граждан к 2024 г., за стартовую точку необходимо взять аналогичные показатели 2020-2021 гг., когда доли благоприятных и неблагоприятных оценок психологической атмосферы в стране были почти равны и составляли 21-24 % и 25-24 % соответственно. К 2022 г. доля положительных оценок общей ситуации в стране сократилась вдвое (с 24 % до 12 %), так что доля пессимистов (29 %) оказалась вдвое выше доли оптимистов (см. табл. 1).

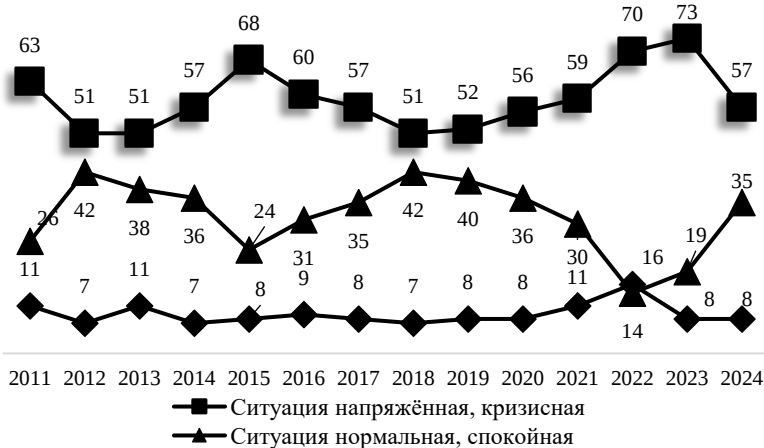
Таблица 1. Динамика оценок россиянами состояния духовно-психологической атмосферы в обществе, ФНИСЦ РАН, 2020-2022 гг., %

Состояние духовной атмосферы	В стране в целом			В месте проживания		
	2020	2021	2022	2020	2021	2022
В целом благоприятная	21	24	12	36	42	28
Неопределённая, противоречивая, вызывающая смешанные чувства	54	52	59	46	43	56
В целом неблагоприятная	25	24	29	18	15	16

В 2022 г. более половины россиян, 59 %, оказались в ситуации «безысходного терпения» (Левада, 1999), и, оценивая своё эмоциональное состояние, многие из них признавались в своей растерянности перед резким изменением устройства жизни (Казаков, Вилков, Шестов, 2023; Казаков, 2024). На протяжении последнего десятилетия граждане нечасто (в 38-42 % ответов) положительно оценивали ситуацию в стране, считая положение дел преимущественно кризисным (на протяжении последнего десятилетия так полагали большинство опрошенных, 51-59 %) или даже катастрофическим (7-11 %). Но в 2022 г. доля негативных оценок возросла до 86 % (70 % респондентов ощущали ситуацию в стране как напряжённую, кризисную, ещё 16 % – как катастрофическую). В 2022 г. впервые за историю наблюдения с 2011 г. доля людей, считавших ситуацию катастрофической, превысила долю тех, кто считал её нормальной или спокойной (14 %).

В 2023 г. многие граждане смогли оправиться от шока 2022 г., и доля катастрофистов сократилась вдвое – с 16 до 8 %, вернувшись к показателям 2018 г. Доля тех, кто оценивал обстановку в стране как нормальную, спокойную, выросла всего на 3 % – с 16 до 19 %. Большинство опрошенных в 2023 г. (73 %), как и годом ранее (70 %), оценивали ситуацию в стране как напряжённую, кризисную. А вот в 2024 г., даже на фоне продолжающейся СВО, обозначились признаки нормализации эмоционального фона в оценках ситуации в стране: хотя доля катастрофистов не изменилась (8 %), заметно сократились кризисные оценки (с 73 до 57 %), а доля тех, кто оценивает ситуацию как нормальную, спокойную, выросла почти вдовое – с 19 до 35 % (см. рис. 1).

Рисунок 1. Динамика оценок россиянами ситуации в стране, 2011-2024 гг., %

Оценки же респондентов относительно положения дел в своём регионе (особенно в месте их проживания) после резкого падения, произошедшего в 2022 г., вернулись в 2023 г. к умеренным показателям 2020 г., а в 2024 г. – преодолели положительные показатели ковидного периода. Если в 2022 г. ситуацию в своём регионе большинство опрошенных считали скорее кризисной (59 %), ещё 6 % – и вовсе катастрофической, оптимистично были настроены чуть больше трети респондентов (35 %), то в 2024 г. оптимизм в оценках ситуации в регионе проживания однозначно возобладали: большинство россиян (62 %) считали ситуацию в регионе проживания нормальной, за год этот показатель вырос на 11 % (с 51 % в 2023 г.). Кризисные оценки положения дел в регионе проживания в 2024 г. по сравнению с 2022 г. сократились на 22 пункта (с 58 до 36 %), доля катастрофистов уменьшилась втрое (с 6 до 2 %). Так что в 2024 г. доля позитивных оценок региональной обстановки (62 %) была выше кризисных (36 %) в 1,7 раз.

В период 2023-2024 гг. улучшились и оценки гражданами положения дел в месте их проживания: городе, посёлке, селе. После резкого ухудшения в 2022 г. оценок ситуации в месте проживания респондентов (доля тех, кто считал ситуацию нормальной, спокойной, в 2020–2022 гг. сократилась с 59 до 44 %), в 2023 г. большинство опрошенных вернулись к оптимистичному настрою и оценили ситуацию «на месте» как нормальную и спокойную. В 2024 г. этот показатель увеличился до 69%: семеро из десяти опрошенных оценили ситуацию в своём городе, селе как нормальную. Негативные оценки положения дел «на местах» дали менее трети респондентов: 28 % оценили ситуацию как напряжённую, кризисную, а 3 % – как катастрофическую. В 2022 г. негативные оценки местной ситуации были доминирующими, тогда половина оценивала её как кризисную, 6 % – как катастрофическую (см. табл. 2).

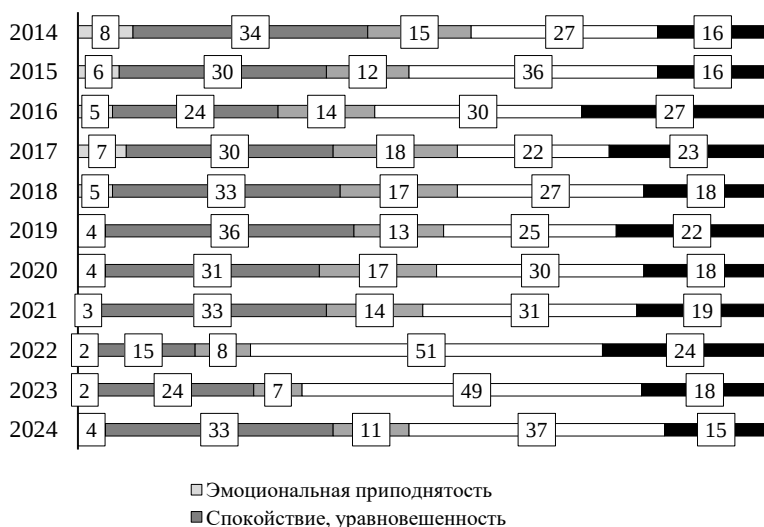
Таблица 2. Динамика оценок россиянами положения дел в стране, в их регионе, городе проживания, 2020-2024 гг., %

Оценка ситуации	В России в целом				В Вашем регионе (области, крае, республике)				В Вашем муниципальном образовании (городе, посёлке, сельском населённом пункте)			
	2020	2022	2023	2024	2020	2022	2023	2024	2020	2022	2023	2024
Нормальная, спокойная	36	14	19	35	50	35	51	62	59	44	61	69
Напряжённая, кризисная	56	70	73	57	44	58	46	36	35	50	36	28
Катастрофическая	8	16	8	8	6	6	3	2	6	6	3	3

Несмотря на в целом позитивные оценки россиянами актуального положения дел, в 2024 г. большинство из них всё равно ощущали негативные доминанты психоэмоционального состояния общества. Оценивая ситуацию в месте своего проживания как преимущественно нормальную и спокойную, респонденты одновременно указывали на доминирование в настроении людей, окружающих их, негативных эмоций (63 %) – прежде всего тревожности (37 %). Многие также ощущали в своём окружении раздражение, агрессивность (15 %) и безразличие (11 %). В 2024 г. доля позитивных оценок эмоционального климата в стране (37 %) вернулась к показателям 2021 г. (36 %) и выровнялась после катастрофического снижения до 17 % в 2022 г., когда абсолютное большинство, 83 %, фиксировали в своём окружении негативные эмоции, в том числе тревогу (51 %), раздражённость (24 %) и апатию (8 %). Однако общий психологический климат в российском обществе остался негативным (см. рис. 2).

Наиболее чувствительны в 2023-2024 гг. к негативным настроениям вокруг себя были самые пожилые респонденты, старше 61 года. Большинство из них указали на доминирование в окружении негативных эмоций (68 %), прежде всего тревожности (44 %), ещё 12 % ощущали в своём окружении раздражённость, 11 % – апатию. Социологические данные свидетельствуют, что с возрастом восприимчивость респондентов к позитивным эмоциям окружающих снижается, а негативные эмоции близких, наоборот, воспринимаются острее.

Рисунок 2. Динамика оценок россиянами социально-психологического состояния окружающих их людей, 2014-2024 гг., %

Для молодёжи, несмотря на преобладание негативных оценок настроения окружающих людей, характерно более оптимистичное восприятие эмоционального фона. Более половины (55 %) молодых людей в возрасте 18-30 лет отмечали, что в эмоциях окружающих их людей доминируют негативные эмоции, но одновременно существенной в этой возрастной группе (45 %) была доля тех, кто ощущал позитивные эмоции, в том числе спокойствие и уравновешенность (40 %), а также эмоциональную приподнятость (5 %) (см. табл. 3).

Таблица 3. Оценка россиянами различных возрастов социально-психологического состояния окружающих их людей, 2024 гг., %

	Возраст				
	18-30 лет	31-40 лет	41-50 лет	51-60 лет	61 год и старше
Позитивные эмоции	45	40	36	36	32
Эмоциональная приподнятость	5	6	6	4	2
Спокойствие, уравновешенность	40	34	30	32	30
Негативные эмоции	55	60	64	64	68
Безразличие, апатия	14	10	10	12	11
Тревожность	30	35	39	34	44

Раздраженность, озлобленность, агрессивность	11	16	15	18	12
--	----	----	----	----	----

В оценках россиянами собственного ощущения повседневности в 2024 г. сложился паритет позитивных и негативных эмоций: половина респондентов ощущали повседневность скорее положительно, в том числе 43 % чувствовали спокойствие, ещё 7 % – эмоциональный подъём. Другая половина, 50 %, признавались в негативных чувствах: тревоге (35 %), раздражённости, озлобленности или агрессии (7 %), ещё 8 % находились в апатии.

Как и в ситуации с оценкой россиянами общего эмоционального климата в обществе, в их восприятии собственного психологического состояния в 2024 г. укрепился положительный тренд, сменивший ещё в 2023 г. коллективную подавленность 2022 г. Два года назад большинство граждан, 72 %, находились в эмоционально-угнетённом состоянии, в 2023 г. доля негативных эмоций сократилась до 63 %, в 2024 г. – до 50 % (см. рис. 3).

Рисунок 3. Динамика оценок россиянами своего психоэмоционального состояния, 2014-2024 гг., %

Особенно позитивно в 2024 г. были настроены самые молодые россияне (18-30 лет), большинство которых ежедневно (58 %) испытывали скорее положительные эмоции, в том числе: 51 % – спокойствие, 7 % – эмоциональную приподнятость. Негативные эмоции доминировали в установках 42 % самых молодых респондентов. Но по мере взросления негативные эмоции в повседневных эмоциях граждан укрепляются. Более половины респондентов старше 61 года (56 %) отмечали доминирование негативных эмоций в своих настроениях, позитивные эмоции испытывали только 44 % из них (см. табл. 4).

Таблица 4. Оценка россиянами различных возрастов своего психоэмоционального состояния, 2024 г., %

	Возраст				
	18-30 лет	31-40 лет	41-50 лет	51-60 лет	61 год и старше
Позитивные эмоции	58	49	50	53	44
Эмоциональная приподнятость	7	10	7	10	4
Спокойствие, уравновешенность	51	39	43	43	40
Негативные эмоции	42	50	50	47	56
Безразличие, апатия	9	10	8	7	6
Тревожность	26	34	32	35	45
Раздражённость, озлобленность, агрессивность	7	7	10	6	6

За прошедший год укрепилась положительная оценка россиянами актуальной ситуации на всех административно-территориальных уровнях. Более оптимистично россияне воспринимали положение дел в своём регионе и месте проживания: доля тех, кто фиксировал снижение общественного напряжения, выросла за год до 25 % (на 8 пунктов в оценках ситуации в регионе и на 5 – в месте поселения). А вот ситуация в стране ощущалась респондентами как преимущественно тревожная, хотя по сравнению с 2023 г. доля тех, кто отмечал снижение социального напряжения в стране, выросла на 12 %. Личная позитивная оценка повседневности, положительный личный опыт при в целом оптимистичном настрое способствуют благоприятному восприятию психологической атмосферы в месте и регионе проживания. Однако при оценках положения дел в стране многие ориентируются на «кликбейтную», яркую, но не всегда достоверную информацию из СМИ о положении дел в отдалённых точках страны, поэтому люди сгущают краски в оценках масштабов социальной напряжённости в целом. В том числе и под влиянием тревожной медийной повестки в 2024 г. 41 % опрошенных заявили, что социальное напряжение в России выросло. Тогда как рост напряжённости в своём городе, посёлке (18 %) или регионе (23 %) россияне отмечали вдвое реже (см. рис. 4).

Рисунок 4. Оценка россиянами динамики социальной напряжённости в стране, регионе и месте проживания, 2023-2024 гг., %

Чувства и эмоции россиян в отношении национальных и личных перспектив

Психэмоциональная атмосфера общества формируется под влиянием не только субъективных ощущений гражданами собственного благополучия, но и восприятия ими актуального положения дел в стране, её насущных проблем. Настроения в обществе могут быстро меняться вследствие текущей конъюнктуры и переживаемых людьми событий (Бараш, 2022b). Непредсказуемость и неопределённость будущего могут вызывать негативные эмоции, однако настроения граждан, в случае нормализации ситуации, способны также быстро изменяться к лучшему. Планируя собственное будущее, большинство людей естественным образом стремятся к оптимистичной рационализации происходящего, поиску в окружающих их обстоятельствах обнадеживающих и вдохновляющих примет скорого улучшения ситуации.

Неудивительно, что в последние пять лет эмоциональные ожидания россиян, предъявляемые к собственному будущему, колебались буквально по синусоиде: доминанта положительных эмоций стабильного (по нынешним меркам) 2018 г. сменилась резким ростом неуверенности россиян в своём будущем в пандемийном 2020 г. Наметившаяся затем в 2021 г. нормализация жизни людей и их планов на будущее в 2022 г. рухнула вместе с верой россиян в собственные перспективы (после начала СВО негативные ожидания от своего будущего транслировали 52 % респондентов, а позитивные – 48 %). В 2023 г. в личных ожиданиях россиян эмоции надежды (29 %), спокойствия (16 %) и уверенности в собственном хорошем будущем (14 %) возобладали над негативными предчувствиями (60 % против 40 %). В 2024 г. доминанта позитивных эмоций в отношении собственного будущего в массовом сознании

россиян ещё сильнее укрепились: 64 % опрошенных с оптимизмом смотрели вперёд, в том числе: почти треть опрошенных, 30 %, с надеждой, по 18 % – с оптимизмом и спокойствием (см. табл. 5).

Таблица 5. Динамика эмоций россиян в отношении личного будущего, 2018-2024 гг., %

<i>Чувства в отношении собственного будущего</i>	2018	2020	2021	2022	2023	2024
Позитивные чувства:	63	55	61	48	60	64
Уверенности в хорошем будущем	35	10	13	7	14	18
Спокойствия	6	15	17	7	16	18
Надежды	22	30	31	34	29	30
Негативные чувства:	37	45	39	52	40	34
Беспокойства	29	35	30	40	32	28
Страх	5	6	5	9	7	4
Отчаяния	3	4	4	3	1	2

В 2022 г. эмоциональные ожидания россиян от собственного будущего вошли в резонанс с их ощущениями насчёт перспектив страны. СВО и последовавшие гиперсанкции, сформулированные в том числе и как часть декларируемой многими зарубежными политиками концепции «коллективной ответственности» рядовых россиян, связали, похоже, в представлениях граждан их личные перспективы и будущее страны. Если в 2020-2021 гг. негативные и позитивные ожидания в отношении собственного и национального будущего заметно разнились и ожидания от собственного будущего у граждан были более позитивными, чем предполагаемые перспективы страны, то в 2022 г. одинаково резко сократились позитивные ожидания и от собственного (48 %), и от национального будущего (49 %). В 2023-2024 гг. этот тренд продолжился, но уже со знаком плюс: в 2023 г. позитивно воспринимали своё будущее 60 % опрошенных, будущее страны – 58 %, а в 2024 г. – 64 и 66 % соответственно (см. табл. 6.).

Таблица 6. Динамика эмоций россиян в отношении будущего страны, 2018-2024 гг., %

<i>Чувства в отношении будущего страны</i>	2018	2020	2021	2022	2023	2024
Позитивные чувства:	64	47	49	47	58	66
Уверенности в хорошем будущем	36	7	11	10	17	23

Спокойствия	3	10	9	6	9	11
Надежды	25	30	29	31	32	32
Негативные чувства:	36	53	51	53	42	34
Беспокойства	24	36	32	33	31	25
Страх	6	10	11	17	8	6
Отчаяния	6	7	8	3	3	3

Несмотря на сложное общее психоэмоциональное состояние, многие россияне воспринимают происходящие события философски – как в той или иной степени успешно выдержанный страной экзамен перед историей. Даже в контексте драматичных внутри- и внешнеполитических вызовов россияне верят в свою страну и её будущее. В 2024 г. доля тех, кто считал, что в России ничего хорошего не получится, была минимальна – 4 %. И за 23 года наблюдений, с 2000 г., этот показатель не менялся, оставаясь в пределах 4-5 %. Другой вопрос, что из непростого поиска Россией собственного исторического пути произрастает некоторый фатализм её граждан: на протяжении почти четверти века (с 2000 по 2024 г.) постоянной остаётся доля россиян (22-27 %), которые полагают, что России (вернее, в России) нельзя жить без веры в Бога.

Отсюда – оптимизм россиян, связанный не только с будущим, но и с настоящим страны. Большинство опрошенных испытывают положительные эмоции по отношению к своей стране в настоящем: уважение (61 %), гордость (51 %) и любовь (45 %). Негативные эмоции (обиду, стыд, возмущение) в отношении сегодняшней России испытывают меньше четверти опрошенных граждан – 22 %. Доля безразличных россиян, не испытывающих к своей стране никаких чувств, составляет всего 7 %. В целом позитивное восприятие гражданами образа страны, как в её актуальном состоянии, так и в модусе будущего, в определённой степени обусловлено принятием большинством россиян текущего направления государственного развития. Почти три четверти опрошенных (78 %) уверены, что курс, который сегодня выбирает Россия, приведёт к положительным результатам в будущем. Скептически настроены и полагают, что Россия движется в тупик, менее четверти (22 %) респондентов.

Вместе с тем преобладание у граждан позитивных чувств в отношении современной им России на фоне тяжёлой психологической атмосферы общества может быть производным от патриотического сплочения граждан в критической для нации ситуации. А может, учитывая сложившуюся сцепку образа персональной и национальной судьбы, иметь компенсаторный характер и быть попыткой многих россиян представить собственное настоящее через проекцию эмоционально положительного образа страны.

В контексте предложенных ранее теоретико-методологических оснований исследования и на основании представленных социологических данных можно сделать вывод о том, что полученная обществом в 2020-2024 г. инерция анонии и социальной дезинтегра-

ции постепенно компенсируется инициативами низовой самоорганизации. Эти инициативы включают попытки граждан психологически адаптироваться к кризисной ситуации и нормализовать эмоциональное состояние в своём окружении, чему способствует активное взаимодействие в социальных медиа и использование цифровых ресурсов.

Современные вызовы не только способствуют низовой солидарности, но и помогают более чётко определить социокультурный вектор национального развития страны. Адаптация к кризисам 2020-2022 гг. имеет центристстемительное и консолидирующее значение, что указывает на низкий потенциал протестного недовольства в обществе.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Андреев, Андреев, Слободенюк, 2024 – *Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д.* Размежевание и консолидация в российском обществе в контексте СВО // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 104-119. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.08>

Бараш, 2022a – *Бараш Р.Э.* Коронавирус в контексте российской повседневности. Опыт фокус-групповых бесед // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2022. Т. 5, № 4. С. 109-139. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2022-5-4-109-139>

Бараш, 2022b – *Бараш Р.Э.* Российское общество 2020-х гг.: попытка идейного самоопределения // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № S2. С. 87-101. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2S.818>

Дюркгейм, 1996 – *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофман; прим. В.В. Сапов. М.: Канон. 1996. 432 с.

Ермаков и др., 2023 – *Ермаков Г.П., Ганиева Й.Н., Петряков С.Н., Петряков Д.С.* Экономика России в условиях рестрикций, пандемии COVID-19 и СВО // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 12. С. 6537-6556. <https://doi.org/10.18334/epp.13.12.120080>

Информационно-аналитический бюллетень, 2021 – Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ) // Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9922> <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.2> (дата обращения: 01.11.2024).

Казаков, 2024 – *Казаков А.А.* Два года СВО: динамика изменения отношения молодёжи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24. Вып. 2. С. 185-195. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-185195>

Казаков, Вилков, Шестов, 2023 – Казаков А.А., Вилков А.А., Шестов Н.И. Отношение российской молодёжи к СВО: влияние медийных практик // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23. Вып. 3. С. 313-324. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-313-324>

Кастельс, 2000 – Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Т. 1-3: Конец Millennium. М.: Издательство «Весь мир», 2000. 608 с.

Левада, 1999 – Левада Ю.А. Человек недовольный: протест и терпение // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 6 (44). С. 7-13.

Микушева, Петрова, 2024. – Микушева А.Е., Петрова Е.А. Особенности психоэмоционального состояния подростков, родственники которых находятся в зоне СВО // Научный аспект. 2024. Т. 29, № 4. С. 3755-3762.

Мустакимов, Рогачев, 2023 – Мустакимов А.В., Рогачев С.В. Влияние международного санкционного давления на консолидацию российского общества (2014-2023 гг.) // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 5. С. 46-56.

Российское общество, 2022 – Российское общество в условиях новых вызовов и угроз (контекст социологической диагностики): информационно-аналитический доклад. М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2022. 240 с.

Рязанцев, Храмова, Смирнов, 2021 – Рязанцев С.В., Храмова М.Н., Смирнов А.В. Социально-демографические аспекты вакцинации населения России в контексте пандемии COVID-19 // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № 5. С. 1047-1056. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-5-1047-1056>

Социология пандемии, 2021 – Социология пандемии. Проект коронаФОМ. М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021. 319 с.

Хабермас, 2016 – Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / Пер. с нем. М.: Издательство «Весь Мир», 2016. 344 с.

Bauman, 2005 – Bauman Z. Liquid Life. Chicago: University of Chicago Press, 2005. 170 p.

Lam, 2021 – Lam M. E. United by the global COVID-19 pandemic: divided by our values and viral identities // Humanities and Social Sciences Communications. 2021. Vol. 8. No. 31. <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00679-5>

References

Andreyev, A. L., Andreev, I. A., Slobodenyuk, E. D. (2024). Division and consolidation in Russian society resulting from the Russian special military operation. *Polis. Political Studies*, 1, 104-119. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.08> (In Russian)

Barash, R. E. (2022). Covid-19 in the context of the Russia's citizens' everyday life. Some conclusions of the focus group discussions. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 5 (4), 109-139. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2022-5-4-109-139> (In Russian)

Barash, R. E. (2022). Russian society in the 2020s: an attempt at ideological self-determination. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 13 (2), 87-101. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2S.818> (In Russian)

Bauman, Z. (2005). *Liquid Life*. University of Chicago Press.

Castells, M. (2000). *The Information Age: Economy, Society, and Culture*, vol. 1-3 (transl. from Engl. by O. Shkaratan). Ves Mir Publ. (In Russian)

Durkheim, E. (1996). *On the Division of Labor in Society* (transl. from French by A.B. Hofman). Canon. (In Russian)

Ermakov, G. P., Ganieva, Y. N., Petryakov, S. N., Petryakov, D. S. (2023). The Russian economy in the context of restrictions, the COVID-19 pandemic and a special military operation. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 13 (12). <https://doi.org/10.18334/epp.13.12.120080> (In Russian)

Habermas, J. (2016). *The Structural Transformation of the Public Sphere: an Inquiry into a Category of Bourgeois Society* (transl. from German). Ves Mir Publ. (In Russian)

Information and Analytical Bulletin (2021). *Russian Society in a Pandemic: a Year Later (the Experience of Sociological Diagnostics)*, 2. Retrieved November 1, 2024, from <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9922> <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.2> (In Russian)

Kazakov, A. A. (2024). Two years of special military operation: dynamics of changes in the attitude of youth. *News of Saratov University. Sociology. Politology*, 24, (2), 185-195. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-185-195> (In Russian)

Kazakov, A. A., Vilkov, A. A., Shestov, N. I. (2023). Attitude of Russian youth to the special military operation in Ukraine: impact of media practices. *News of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 23 (3), 313-324. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-313-324> (In Russian)

Lam, M. E. (2021). United by the global COVID-19 pandemic: divided by our values and viral identities. *Humanities and Social Sciences Communications*, 8 (31). <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00679-5> (In Russian)

Levada, Y. A. (1999). The dissatisfied man: protest and tolerance. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 6 (44), 7-13. (In Russian)

Mikusheva, A. E., Petrova, E. A. (2024). Features of the psycho-emotional state of adolescents whose relatives are in the zone of their own. *Scientific Aspect*, 29 (4), 3755-3762. (In Russian)

Mustakimov, A. V., Rogachev, S. V. (2023). The influence of international sanctions pressure on the consolidation of Russian society (2014-2023). *Sociopolitical Sciences*, 13 (5), 46-56. (In Russian)

Russian Society in the Context of New Challenges and Threats (Context of Sociological Diagnostics): information and analytical report (2022). Institute of Sociology FNISC RAS. (In Russian)

Ryazantsev, S. V., Khramova, M. N., Smirnov, A. V. (2021). Socio-demographic aspects of vaccination of the Russian population in the context of the COVID-19 pandemic. *Issues of Social Hygiene, Healthcare and History of Medicine*, 29 (5), 1047-1056. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-5-1047-1056> (In Russian)

The Sociology of the Pandemic. CoronaFOM Project (2021). Institute of Public Opinion Foundation (inFOM) Publ. (In Russian)